

Никита Холкин

Цитадель

Никита Холкин

Цитадель

«Автор»

2026

Холкин Н.

Цитадель / Н. Холкин — «Автор», 2026

Под землей человеческая жизнь измеряется кубическими сантиметрами воздуха и граммами белкового суррогата. Цитадель Шмидта живет по строгим законам выживания, где каждый обязан быть полезным винтиком. Но что происходит, когда отлаженный годами механизм начинает давать сбой? Случайная находка в грудe мусора ставит под сомнение всё, во что верили поколения людей под землей. Теперь, когда на нижних ярусах объявляют тревогу, а штурмовые отряды блокируют выходы, обычному рабочему придется сделать выбор: послушно ждать финала в темном секторе или рискнуть всем и раскрыть тайны

© Холкин Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9

Никита Холкин

Цитадель

Глава 1

ГЛАВА 1

Через секунду мне оторвет голову. Это была не метафора, а сухая инженерная точность: титановый вал сорок четвертого яруса Цитадели вращался со скоростью четырех оборотов в минуту. Если грубый армейский брезент моей рабочей куртки намотает на ведущую шестеренку редуктора конвейера полностью, шею сломает до того, как сработает тепловой предохранитель. Силовая линия не остановится сама. Многотонный маховик Цитадели, приводимый в движение подземными поршнями Нулевого уровня, перемалывал гранитные глыбы и столетние пласты породы. Кости двадцатилетнего слесаря для него были не прочнее сухой, гнилой соевой ботвы.

Металл натужно, леденяще душу хрустел. Ткань на правом плече натянулась так, что затрещали толстые конопляные нити швов, глубоко врезаясь в кожу. Меня рвануло вперед, лицом прямо к замасленной чугунной станине конвейера. В глаза летела горячая, липкая масляная пыль, рот забило горьким, вязущим вкусом перегретого солидола и ржавчины. Но в ледяной, первобытный ужас меня бросило не это.

Прямо за поясом штанов, намертво прижатая к мокрой от липкого пота пояснице тяжелым кожаным ремнем с выбитым инвентарным номером, лежала она. Сто страниц обычной бумаги. Учебник истории за 2106 год. А чуть левее, под брезентовым подкладом порванной куртки, шуршал грязный холщовый мешок, доверху забитый «лапшой» — узкими полосами измельченных документов Нулевого яруса, которые я последние два часа тайно выуживал из баков водно-мазутной фильтрации.

Если ткань лопнет и этот груз вывалится на пол, меня не просто убьют. Мой инвентарный номер сотрут из базы данных Снабжения за секунду. В Цитадели Шмидта не тратили дефицитные пороховые патроны попусту. Меня живьем вышвырнут за Шлюз — туда, на Поверхность. Туда, где, по заветам конституции Шмидта, атмосфера превратилась в промышленный горн, а легкие человека закипают за три вдоха от соли, серы и раскаленного пепла.

Вал натужно взвизгнул. Шестеренка провернулась еще на четверть оборота, утягивая брезент глубже в мазутное нутро редуктора. Моё лицо оказалось в пяти сантиметрах от движущегося зубчатого венца. Кожа ощущала плотный жар раскаленного трением титана, пахло паленой шерстью — это горел воротник моей куртки. На сорок четвертом ярусе смерть всегда пахла одинаково: перегретым металлом, химикатами и дешевым сукном рабочей робы.

Я уперся тяжелым ботинком в рифленый чугунный край распределительного желоба, чувствуя, как подошва скользит по слою жидкого мазута. Рука, сочащаяся черной гарью, отчаянно нащупывала ржавый рычаг аварийного стопора. Пальцы соскальзывали с холодного железа, ногти скребли по окалине. На стене диспетчерской в эту секунду бешено дернулась латунная стрелка механического тахометра, связанного с линией стальными тросиками. Если конвейер встанет, стрелка рухнет на ноль, тяжелый маятниковый самописец оборвет чернильную линию на серой бумажной ленте, и в камерке мастера сработает медный предупредительный колокольчик.

— Давай же, тварь... — процедил я сквозь сжатые зубы, чувствуя, как шею начинает закручивать вслед за плечом.

Рычаг не поддавался. Свинцовая пломба, установленная ищейками Службы Безопасности три года назад для предотвращения несанкционированных остановок линии, намертво

заклинила стальную скобу. Администрация панически боялась, что рабочие будут умышленно останавливать конвейеры ради отдыха. Вал потянул сильнее, отрывая мои колени от пола. Брезент на спине натянулся до звенящего треска, жесткий кожаный переплет книги больно вдавился в ребра, едва не ломая кость. Если бумага прорвет ткань куртки, «лапша» посыплется прямо на движущуюся ленту очистительного фильтра. Тогда конец. Всем моим планам, моей жизни и Дашке.

Я выверенным движением перенес весь вес тела на левую ногу, уперся плечом в гранитную переборку и рванул рычаг на себя обеими руками, вложив в этот рывок весь свой страх и ярость. Внутри механизма что-то хрустнуло, свинцовая пломба лопнула, впившись острыми краями в мою ладонь.

Это лопнула не сталь. Грубый брезент куртки разорвался от плеча до самого пояса с оглушительным, похожим на выстрел треском. Меня отбросило назад. Я сильно ударился копчиком о гранитные плиты пола, проехав спиной по грязной жиже утилизационного стока, но книга и холщовый мешок устояли. Они остались на месте, намертво зажатые ремнем на поясице под остатками порванной одежды.

Титановый вал Цитадели, толщиной с вековой дуб, на секунду натужно завыл, замедляя ход. Сорванные чугунные зубья редуктора со скрежетом посыпались в металлический поддон, но маховик, преодолев сопротивление стопора, сорвал фиксатор и продолжил свое монотонное, леденящее душу вращение. Вентиляционные мехи сектора работали без остановки. Цитадель не прощала секундных слабостей.

Из серого, удушливого мазутного тумана, окутывавшего очистную линию сорок четвертого яруса, вынырнул мастер смены. Его кованые сапоги с механическими защелками грохотали по камню, как отбойный молоток. Покрытое глубокими морщинами лицо мужчины было багровым от гнева, а на ремне покачивалась телескопическая дубинка — любимый инструмент мотивации людей. Он держал в руке тяжелую карбидную лампу: из верхнего резервуара вода мерно капала на куски серого кальция, и из сопла вырывался слепящий, шипящий бело-желтый ацетиленовый факел, отбрасывающий длинные, неровные тени на гранитные стены.

— Марк, твою мать! — заорал он, брызжа слюной прямо мне в лицо, так что я почувствовал запах соевого табака. — Ты чуть девятнадцатую линию фильтрации не похоронил! Ты понимаешь, щенок, что если этот вал встанет то за саботаж жизнеобеспечения всю смену сольют в биореактор агросектора Бруни! Из нас сделают удобрения для грибных глыб сотого уровня! Что ты там делал, брак конвейерный?!

Я сидел на грязном, скользком полу, судорожно прижимая левую руку к левому боку. Под моими ободранными пальцами шуршала шредерная «лапша» Нулевого яруса, скрытая складками разорванной ткани, а локоть намертво блокировал выпирающий угол кожаного переплета учебника. Сердце колотилось в самой глотке, ударяя в барабанные перепонки, адреналин выжигал мозг, и мастер списал мою дрожь на банальный страх перед ним.

— Кожух вентилятора чистил, мастер, — мой голос хрипел от мазутной пыли, но звучал подобострастно, со сломленной рабской интонацией, которую так ценило начальство. — Распределительный желоб заклинило. Гнилая ботва сои с ферм верхних этажей повалила лавиной, забила приемный бункер. Я лез лопатой выгребать, ноги поехали на слое масла, ну и зацепился лоскутом за шестерню. Хорошо, стопор успел сорвать, иначе бы меня туда по уши закатало и на конвейер выплюнуло.

Мастер смены нагнулся. Круг света от его карбидного фонаря скользнул по развороченному редуктору, по сорванным чугунным зубьям в поддоне, а затем остановился на моей порванной куртке. Я замер, перестав дышать, чувствуя, как капля холодного пота медленно ползет по виску. Стоило ему сделать шаг ближе, коснуться рукой, сорвать остатки сукна...

— Рукожопый дегенерат, — выплюнул мастер, уводя в сторону шипящий факел лампы. Напряжение в его широких плечах спало. — Цитадель доедает последние запасы меди, Крафту

латать опреснители нечем, металл гниет от серных вод, а ты мне редуктор линии ломаешь. Радуйся, что вал не заклинило наглухо, иначе ты бы уже не дышал!

Он брезгливо пнул ногой сорванный зуб шестеренки, который отлетел в темноту галереи.

— Дуй в мастерскую после гудка, пусть швеи тебе новый лоскут выдадут. Из старого брезента вырежут латку. И шевелись. На сотом ярусе перебирают гидропонику, оттуда тонны гнильи гонят по вертикальным трубам утилизации. Завалишь центральный бункер — сам лопатой выгребать будешь.

Он развернулся и исчез в кислом, влажном пару очистной галереи. Его шаги, ритмично стучавшие по граниту, постепенно стихли, поглощенные общим гулом Цитадели.

Я облегченно выдохнул, чувствуя, как мышцы спины мгновенно ослабли, превратившись в вату. Трясущимися руками, стараясь не издать ни единого звука и не шуршать холщовым мешком, я поправил драгоценный сверток за поясом, плотнее запахнул порванный бок куртки, скрывая белизну бумаги, и снова встал к конвейерной ленте.

Руки заработали на чистом, доведенном до автоматизма режиме выживания. Движения, заученные за шесть лет рабского труда на сорок четвертом ярусе, выполнялись сами: влево — отработанные, покрытые белой плесенью грибные кубы, вправо — жесткие, сухие стебли сои, в центральный бункер утилизации — обломки слепых, покрытых гарью кварцевых зеркал. Эти зеркала когда-то передавали солнечный свет с поверхности горы вглубь бункера, создавая иллюзию настоящего дня для наших предков. Теперь они были просто мусором, царапающим кожу рук. Перед сбросом документов вниз Администрация уничтожала их на тяжелых гидравлических ножевых прессах, где чиновники или рабочие Высшего класса вручную крутили маховики, опуская стальные гребенчатые ножи на стопки архивной бумаги, превращая её в километры узкой «лапши».

Глаза бездумно смотрели на грязную, потрескавшуюся резину конвейера, но перед мысленным взором стояли ровные типографские строчки, которые я успел прочесть полчаса назад в темной технической нише, пока мастер отмечал наряд-допуски на механическом планшете.

Администрация годами вбивает в наши головы, что старый мир умер мгновенно. Что великий Макс Шмидт спас остатки человечества, сразу загнав избранных под гранит от выжженной пустыни Поверхности. Нам твердят, что за пределами наших шлюзов — лишь вечный ад и смерть. Но это чушь. «Первый Излом» 2081 года не взрывал планету и не сжигал атмосферу. Колоссальная аномалия на Солнце просто пустила по Земле дикий, неосоздаваемый фоновый наводящий ток. Законы Фарадея и Максвелла вывернуло наизнанку. Любой кремний, любая микросхема и тонкая проводка теперь сгорают моментально. Электричество не исчезло — просто Вселенная создала идеальный блокиратор для цифровой цивилизации. Но люди тогда не ушли под землю. Двадцать пять лет после первого удара наши прадеды жили наверху.

Они построили суровый и прекрасный дизельный рай: пахали землю на лошадях, ковали чугунные рычаги, собирали паровозы и тянули километры медных проводов для примитивного, стучащего телеграфа. Небо над головой было синим, а реки текли по привычным руслам без всякой фильтрации через уголь и хлор. А потом, в 2106-м, пришел «Второй Излом». Солнце превратилось в промышленный горн. Атмосфера прогрелась до ста градусов, выкипели океаны, и Земля спеклась в комок пепла и соли. Только тогда Шмидт запер тридцать тысяч человек под гранит, превратив нас в инвентарные номера.

Я сжал пальцами гнилой корень сои, ломая его пополам. Черная, вонючая жижа брызнула на мои обгоревшие рукава. В груди зарождалась глухая, тяжелая, свинцовая ярость. Мир не был выжжен сразу. Что если Цитадель Шмидта была построена не для спасения вида, а для вечного, тотального контроля. И у меня под курткой сейчас лежали куски карты, которая должна была доказать это всей Цитадели, вырвав нас из этого бетонного гроба.

В шесть вечера железная решетка подъемника со страшным скрежетом выплюнула меня на сорок втором жилом ярусе. Тяжелый гудок об окончании смены эхом разнесся по бетонным сводам, возвещая о двенадцати часах относительной свободы. Этот звук издавал гигантский паровой свисток, установленный на центральной вентиляционной шахте. Я зашел в ячейку 42-114 — бетонную соту размером два на один метр, лишенную окон. Из мебели здесь были только два топчана и распределитель опреснителя. На стене висели часы с хромированным маятником, которые нужно было заводить специальным ключом каждые сутки.

За глухой, пропитанной запахом плесени брезентовой шторой на полу сидела Дашка, моя младшая сестра, инвентарный номер 42-115-В. Ей было всего шестнадцать, но её пальцы навсегда въелись в зеленый, светящийся сок люминесцентных грибов. Они служили единственным источником света для глубин бункера — банки с гниющим фосфором и грибным мицелием давали тусклый, болотный свет, от которого слезились глаза. Она по двенадцать часов вручную закрывала плотные грибные глыбы в теплицах, имитируя смену дня и ночи по приказу Администрации.

— На раздаче сегодня опять соевую жижу урезали, — тихо сказала она, не поворачивая головы от разболтавшегося вентиля опреснителя. Её голос был слабым, безжизненным. — На фермах сотого яруса поршень клинит, подпитка азотом упала. Рабочие говорят, что фильтры забиты солью.

Я плотно задернул входную брезентовую штору, зафиксировал её на тяжелый механический засов, и железо встало в пазы с глухим, надежным кликом. Только после этого я подошел к своему топчану, сунул руку во внутренний карман куртки и вытащил холщовый мешок.

Глава 2

Маятник настенных часов, собранных лично Максом Шмидтом из вороненой оружейной стали, качался с сухим, костяным стуком. Каждый удар массивного механизма отдавался в дубовых панелях зала заседаний. Здесь, на Нулевом ярусе, время измерялось не цифрами, а натяжением тяжелых стальных приводных пружин.

Над длинным столом из полированного палисандра, за которым сидел Высший Совет Цитадели, змеились пучки медных труб. Это была изнанка власти — пневматическая система связи и автоматики. Трубы мерно, удушливо шипели, то и дело выплевывая капли вонючего масляного конденсата в специальные латунные улавливатели, закрепленные на стыках гранитных плит. Воздух Нулевого уровня был чистым, пропущенным через тройные угольные фильтры, но и здесь отчетливо пахло раскаленным железом, сукном и старой сыростью бункера.

Из верхних латунных резервуаров вода мерно, по каплям поступала на куски серого кальция в нижних баках. Из сопел вырывались слепящие, шипящие бело-желтые ацетиленовые факелы. Этот живой, неровный огонь то и дело подмигивал от сквозняков, идущих из вентиляции, заставляя длинные, уродливые тени присутствующих дергаться на стенах, точно живые.

Вместо электронных селекторов и пультов связи в центре стола возвышался массивный латунный куст акустических переговорных труб. Их широкие, начищенные до блеска раструбы тихо гудели от перепада давления. Из глубин Цитадели сквозь эти медные глотки транслировались далекие, тяжелые удары главного геотермального вала. Этот низкий, леденящий душу гул пробивал подошвы обуви и вибрировал в грудной клетке каждого из пяти человек, сидевших в комнате.

— Мы сдохнем через полгода. Без всякого бунта. Просто от жажды.

Тяжелый, рваный звук удара заставил латунные раструбы связи жалобно звякнуть. Директор Пром-Гидрологии Виктор Крафт с силой опустил на полированное дерево стола увесистую втулку распределителя тридцать седьмого узла. Её края были изъедены глубокими, зеленоватыми кавернами, словно кусок гнилого, сырого сыра. Крафт — грузный, пахнущий машинным маслом мужчина с вечно воспаленными от бессонницы глазами — нервно вытер лысину шелковым платком и тяжело оперся ладонями о край стола.

— Кавитация и серная кислота из шахтных вод жрут систему быстрее, чем мои парни успевают ставить латки, — хрипло, со свистом выплюнул он. — Фильтры опреснителей на нижних уровнях забиты солью и мазутной гарью на 90%. Металл устал. Мне нужен весь резервный свинец для отливки уплотнителей и медь Снабжения на новые трубки. Прямо сейчас, Роберт! Иначе завтра я буду вынужден перекрыть подачу технической воды на сорок четвертый ярус, чтобы спасти основные гидроузлы Нулевого яруса.

Крафт подался вперед, его тяжелое дыхание сипло эхом отозвалось в раструбах связи.

— Понимаете, что это значит, господа? Если вал встанет, вентиляционные мехи тридцать седьмого и сорок четвертого секторов заклинит от перегрева. Нижние уровни просто сварятся живьем в собственном поту. Тридцать тысяч рабочих превратятся в кучу тухлого мяса раньше, чем кончится текущая неделя. Дай мне металл, Гросс! Сам ведь сою без воды жрать не станешь.

— Раз заговорили об органике, — в разговор ледяным, математическим тоном вклинилась Директор Агро-Комплекса Елена Бруни.

Эта женщина с неестественно бледным, одутловатым лицом и холодными, лишенными ресниц глазами селекционера брезгливо, кончиком механического карандаша отодвинула от себя ржавую железяку Крафта. Она вытащила из кармана френча плотный лист серой перфорированной бумаги, покрытый неровными графиками маятникового самописца.

— На фермах сотого яруса азотные поршни дышат на ладан. Ручные клапаны подачи давления травят воздух. Подпитка грибных глыб азотным концентратом упала на треть. Соя

дохнет на корню, Максим. Мои теплицы выдают суррогат, в котором калорий меньше, чем в древесных опилках, которые мы подмешиваем в субстрат. Рабочие на нижних ярусах стремительно теряют мышечную массу. Нам приходится поднимать нормы выработки, чтобы компенсировать падение качества, но человеческий организм изнашивается. Если Снабжение не увеличит поставки качественного субстрата из биореакторов, через несколько недель люди начнут валиться с ног прямо у конвейеров. Поддерживать работу главного вала Цитадели будет просто некому. Нам нужен белок. Любой ценой.

— Белок?! Вы бредите, Елена! Или окончательно ослепли в своих сырых теплицах за созерцанием плесени?! — Директор Медицины Максим Вальтер резко подался вперед.

Его холеные пальцы, не привыкшие к тяжелому слесарному инструменту, судорожно сжали край палисандрового стола. На его запястье тускло звякнули карманные часы, пристегнутые стальной цепочкой к петле медицинского френча.

— У нас на носу полноценная, системная катастрофа, которую вы пытаетесь забросать гнилой соей! — голос Вальтера сорвался на режущий, свистящий шепот, заставив лаборанта у двери инстинктивно втянуть голову в плечи. — Легочная гниль мутировала. Споры уже не просто сидят в сырых углах жилых сот сорок второго яруса. Они попали в общую магистраль вытяжной вентиляции. Вы понимаете, что это значит? Если мы не остановим болезнь прямо сейчас, она выкосит до семидесяти процентов населения бункера! Живых людей просто не останется для того, чтобы поддерживать давление в котлах Крафта. Цитадель ослепнет и задохнется, валы встанут, а жалкие остатки Высшего класса в Нулевом секторе просто сдохнут в темноте, потому что работа бункера прекратится навсегда!

Вальтер перевел дыхание, его грудь рвано вздымалась. Он вытащил из кармана небольшую кассету, внутри которой тускло поблескивали три стеклянные ампулы с ручным кислотным клеймением на колпачках.

— Моя лаборатория совершила прорыв. Выведенный мной антибиотик работает. Он полностью выжигает мицелий гнили в легких. Но времени больше нет, господа. Мы обязаны прямо сейчас мобилизовать абсолютно все ресурсы Цитадели. Елена, мне нужен весь ваш глюкозный сироп и аминокислотный концентрат из биореакторов сотого яруса для массового синтеза! Роберт, дайте мне технический спирт со складов утилизации для очистки сыворотки! Нам нужно срочно разворачивать производство, и не только ради того, чтобы лечить себя на Нулевом уровне. Мы обязаны привить всю Цитадель, до самых нижних рабочих этажей! Иначе споры угасания превратят этот бункер в общую братскую могилу, и вечно я эту гниль одними блокировками воздушных заслонок не удержу.

В зале заседаний воцарилась тяжелая, удушливая тишина. Было слышно только, как под полом мерно, с тяжелым вздохом ворочаются огромные поршни главного геотермального привода, качающие воду из глубин земли.

Директор Снабжения Роберт Гросс медленно, нарочито шумно перевернул страницу огромной амбарной книги учета, переплетенной в грубую кожу. Старик делал записи, как будто не обращая внимания на панику вокруг.

Гросс поднял голову. Через очки в тонкой стальной оправе он жестко, с ледяным цинизмом посмотрел на медика. Его сухая, покрытая возрастной пигментацией рука медленно вывела жирную чернильную черту под столбцом цифр.

— Сироп и концентрат? Это физически невозможно, Максим, — Гросс закрыл книгу учета с глухим, пыльным стуком. — Ты требуешь спирт? Складов со спиртом больше не существует в природе Цитадели. Последние запасы технического дистиллята мы слили в цеха Пром-Гидрологии еще в прошлом квартале, чтобы промывать насосы Крафта от серной накипи. Мы сто семьдесят лет ничего не привозили снаружи. Поймите вы это наконец своими учеными мозгами!

Старик обвел взглядом присутствующих. Его голос звучал ровно, но в нем пробивалась сухая, безжизненная хрипотца человека, который каждый день считает граммы угасающей жизни.

— Мы разбираем собственные внутренние переборки бункера, чтобы ковать шестеренки для ваших чертовых агрегатов! Последний кусок медного проката мы отдали Медицине месяц назад на обмотку механических центрифуг. Единственное, чего у нас сейчас в избытке — это органический лом из крематориев сотого яруса. Но из костей трубы не куют и антибиотики не фильтруют. Лекарства для всех не будет, Вальтер. Квоты закрыты. Смирись. Спасать тридцать тысяч человек просто нечем. Если они начнут умирать — нам ничего не останется кроме как заварить шлюзы их секторов и перекрыть ручные вентили вытяжек, чтобы сберечь дефицитный воздух Нулевого уровня.

Гросс сделал глубокий, неестественно затяжной вдох. Где-то глубоко в его сухой, ввалившейся груди, скрытый за безупречным суконным френчем министерского покроя, отозвался едва уловимый, свистящий хрип. Старик на мгновение замер, затаив дыхание. Его пальцы судорожно сжали корпус карандаша, который он держал над накладными. От дикого напряжения пальцев тонкий графитовый стержень внутри механизма с сухим щелчком лопнул, раскрошив черную пыль по серой бумаге амбарной книги.

Старик попытался переждать волну спазма, зажав рот кулаком, но следующий приступ скрывать было бесполезно. Гросс судорожно вытащил из кармана белоснежный шелковый платок и закашлялся — сухо, надрывно, со свистом, который эхом разнесся по латунному рас- трубу акустической связи.

В зале заседаний Высшего Совета мгновенно воцарилась гробовая, леденящая тишина.

Директор Службы Безопасности Ян Новак, до этого сидевший неподвижно в тени распределительного щита, медленно поднял голову. Его взгляд, скрытый за козырьком черной офицерской фуражки, намертво пригвоздил Гросса к креслу. Тяжелая, бледная рука Новака, затянутая в перчатку из толстой кожи, лениво опустилась на кобуру механического револьвера, висевшего на его поясе.

В Цитадели Шмидта этот кашель знали все. Согласно жесткому медицинскому протоколу, зафиксированный хрип означал только одно: немедленный, бескомпромиссный карантин в закрытом изоляторе тридцать седьмого узла. Для рабочих с нижних ярусов эта изоляция была обычным, узаконенным смертным приговором — их просто запирали в бетонных боксах до тех пор, пока легкие не превращались в кашу, а тело не уходило на переплавку в биореактор. Для Нулевого яруса правила были иными: дефицитный антибиотик Вальтера кололи элите, но строго внутри карантинной зоны под надзором врачей. Никаких поблажек. Никто, даже Министр Снабжения, не мог получить ампулу на руки и остаться в своем кабинете.

Гросс прекрасно понимал: если он уйдет под замок почти на месяц, кресло Директора Снабжения не останется пустым ни на один день. В мире, где каждый кубический сантиметр воздуха был валютой, власть не терпела пустоты. На его место тут же назначат другого — амбициозного заместителя или фаворита Председателя. А когда через четыре недели Гросс выйдет из изолятора чистым и здоровым, вернуть прежнее влияние и статус в Высшем Совете он уже не сможет. Потерять контроль над распределением ресурсов означало навсегда превратиться в отработанную, бесполезную деталь на обочине Нулевого яруса. Чтобы выжить и сохранить свое место, ему позарез нужно было достать чистый антибиотик в обход протокола — неофициально, тайно, прямо в свой рабочий кабинет, минуя стены изолятора. И прямо сейчас старик лихорадочно прокручивал в голове выходы на подпольные каналы рабочих ярусов.

Гросс судорожно выдохнул, быстро спрятал потемневший от влаги шелковый платок в карман френча, стараясь, чтобы никто не заметил бурых пятен мокроты, и поднял голову. Его глаза лихорадочно блеснули за стеклами очков. Голос хрипел, но старик выдавил из себя блеклую, жалкую улыбку:

— Сигары... Слишком много дыма, Ян. Твой табак губит мои старые легкие. Воздуховоды Нулевого яруса опять забились конденсатом, вытяжка работает вполсилы.

Наступила мертвая, звенящая пауза.

Ян Новак медленно опустил руку с кобуры, взял со специальной подставки свою дымящуюся сигару, сделал глубокую, затяжную затяжку и лениво, с видимым наслаждением выпустил густую, серую струю едкого дыма прямо в лицо Гроссу.

Старик впился пальцами в полированное дерево стола, ломая ногти о палисандр, держась из последних сил, чтобы снова не зайтись в разрывающем легкие спазме. Новак смотрел на него сквозь пелену дыма своими мертвыми, холодными глазами, криво усмехаясь краем тонких губ. Он прекрасно видел и сломанный грифель, и характерный свист в груди Снабженца. Глава СБ уже просчитывал, как использовать эту смертельную уязвимость старика в своей игре.

— Конечно, Роберт, — тихо, с вкрадчивой угрозой произнес Новак, туша сигару о латунь пепельницы. — Чертов табак. Береги легкие. Ты нам очень нужен живым. Нам всем нужно, чтобы Снабжение работало как часы Шмидта.

Председатель Высшего Совета Леон Варг, сидевший в самом торце стола, до этого момента не произнесший ни слова, медленно протянул руку. Его бледные кисти рук, лишенные волосного покрова, казались вырезанными из известняка. Он взял латунный стек — символ председательской власти — и плашмя опустил его на полированную поверхность стола.

Звук получился сухим, веским и резким. Споры и шипение карбидных ламп оборвались мгновенно. Латунные раструбы переговорных труб умолкли, транслируя лишь глухую вибрацию Цитадели.

— Виктор, вы не получите металл Снабжения. На складах действительно пусто. Латайте узлы опреснителей сорок четвертого яруса кожей, брезентом и конопляной бечевой. Выкручивайтесь сами.

- Ян — проверь и убедись что все охранные системы работают исправно, нам нужно быть готовыми вводить цитадель в осадное положение, сбоев быть не должно!

- Елена — ресурсы Агро-Комплекса остаются неприкосновенными. Урежьте пайку соевой жижи на сорок четвертом ярусе еще на двадцать пять процентов.

— Но без еды они не смогут работать, кто заменит их когда они начнут умирать от голода, Леон! — вскрикнула Бруни.

— Они продержатся столько, сколько нужно — отрезал Варг.

Он медленно повернул голову к Директору Медицины. Круг света от лампы скользнул по его острому подбородку и плотно сжатым губам.

— Максим. По поводу твоего антибиотика — он по-прежнему предназначен исключительно для Первого класса и офицерского состава СБ. На нижних ярусах придерживаемся тактики: полная изоляция очагов и сдерживание. Но лаборатории не сворачивать. Через две недели на Нулевой ярус доставят часть запрашиваемых тобой реагентов — глюкозный сироп и аминокислотный концентрат.

— Какой объем, Леон? Мне нужны тонны для массового синтеза!

— Ровно столько, сколько нужно для обеспечения стопроцентного спокойствия и безопасности нулевого яруса и гарнизона, — ледяным тоном оборвал его Варг. — Ни граммом больше. Для всех остальных на нижних этажах — проявляйте изобретательность, доктор. Вы ученый. Это ваша работа. Лечите точно. Или думайте сами, как наладить кустарный синтез из подножного хлама и мусора, который остался на рабочих ярусах.

— Заседание окончено, возвращайтесь к работе

В зале заседаний воцарилась удушающая тишина. Директора, не глядя друг на друга, начали вставать из-за стола. Гросс первым молча захлопнул свою книгу учёта. Под столом его искалеченная страхом рука судорожно сжимала ключи от личного склада. Он знал, что Валь-

тер не выдаст ему ампулу без официального рапорта, который мгновенно запрет его в изоляторе на месяц. Старик понимал — чтобы выжить, ему придется искать этот новый антибиотик самостоятельно, тайно, через свои надежные каналы

Максим Вальтер возвращался в свой сектор через технический коридор «Альфа» — стерильную, выкрашенную белой эмалью галерею Нулевого уровня. Шаги его туфель эхом отскакивали от кафельных стен. Он не пошёл в свой просторный кабинет, а сразу спустился в центральную биотехнологическую лабораторию.

Там, за бронированным стеклом, мерно урчали стеклянные цилиндры инкубаторов. Внутри бледной полупрозрачной жижи плавали розоватые волокна — та самая культура антибиотика. Навстречу директору, на ходу стягивая резиновые перчатки, вышла доктор Кристина Берн.

— Максим? Как прошло? — Кристина вгляделась в его осунувшееся лицо. — Бруни согласилась выделить концентраты? Нам нужно заправлять реакторы третьей линии, споры гнили в образцах с сорок второго яруса мутируют в геометрической прогрессии.

Вальтер молча подошел к металлическому столу и оперся о него руками.

— Бруни отказала. А Варг приказал свернуть подготовку к массовому производству. Мы лечим только нулевой ярус. Нижние ярусы уходят в тотальную изоляцию.

— Но это же безумие! Это планомерное убийство тридцати тысяч людей в бетонном гробу! Леон понимает, что фильтры прорвет?!

— Леон всё понимает, Кристина, — Вальтер медленно поднял голову, и в его глазах блеснул лихорадочный, пугающий блеск. — Более того, он таскает чистейшие углеводные концентраты из каких-то своих источников. Очевидно у него есть доступ к каким-то стратегическим складам Макса Шмидта, возможно резервные склады на самый крайний случай

Кристина затаила дыхание, её глаза расширились от безумной догадки:

— Ты думаешь... на этих складах Шмидта... Что если там...

— Что если там лежат запасы, рассчитанные на десятилетия? — закончил за неё Вальтер, переходя на свистящий шепот. — Что если там есть всё, чтобы полностью излечить от легочной гнили всю Цитадель? Каждый чертов ярус! Наш новый антибиотик, который мы с тобой вывели, может спасти их всех. Но Леон никогда не откроет эти склады. Потому что сытые и здоровые люди, которым не угрожает ежедневный страх сдохнуть в изоляторе или вылететь за Шлюз, начинают смотреть по сторонам. Они замечают чужие ошибки, задают лишние вопросы и требуют правды. Страх и голод — вот идеальные поводы для этой Цитадели. А те, кто держится за власть, никогда не выпустят их из рук.. Ему выгоден этот дефицит.

Кристина молча смотрела на розовые нити лекарства в инкубаторе. За стенами лаборатории, где-то глубоко внизу, монотонно вибрировал главный вал Цитадели, отсчитывая последние недели жизни тысяч обреченных людей.

— И что мы будем делать, Максим? — тихо спросила она. — Мы ведь врачи, а не палачи Совета.

Вальтер долго молчал, глядя на свои холеные руки.

— Мы будем выполнять приказ — свинцовым тоном ответил он. — Будем лечить точно. И еще... нужно найти эти склады. Если мы найдем резервы Шмидта раньше, чем гниль пожрет нижние уровни, у нас появится шанс запустить производство на полную мощность. И Гросс... Гросс сегодня закашлялся на Совете. Снабженец болен, Кристина. Он скрывает это, потому что панически боится изолятора — знает, что Варг тут же выбросит его из обоймы и заменит другим. Напрямую антибиотик у меня он потребовать не может, ведь протокол обяжет меня запереть его в боксе в ту же секунду. Но Гросс не дурак, главный снабженец не может

не знать о тайных складах Шмидта откуда Варг таскает дефицитные ресурсы и понимает, где искать спасение. Он пойдет на все, чтобы достать лекарство неофициально, в обход карантина, через свои скрытые каналы. Нам нужно воспользоваться его болезнью и разыграть эту карту. Мы проследим за каждым его шагом — Гросс сам приведет нас к тайнику